

ОТ РЕДАКЦИИ

*Перед нами поэт мятежный, сильный, взгляд-
чивый. Судьбы невероятной, наклонной. Как жил
Виктор Гаврилин — жить невозможно — лишь со-
здавать поэзию!*

*Гаврилинские строки зацепились за наше бытие
в его стремлении к особому способу познания миро-
здания. Поэтому, собственно, мы и живы.*

*Очерк Нины Гаврилиной заставит вас при-
стальнее взглянуться в публикуемые стихотворе-
ния — золотой фонд нашей поэтической традиции.*

На темных снах, на пробужденьях зрячих,
судьба, судьба, крепка твоя печать,
но на лице, которое не спрячешь,
ты не смогла страданье написать.

Виктор Гаврилин

Однажды Виктор проснулся и почувствовал, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Это длилось примерно полчаса. Пришла мысль — как у Николая Островского. В то время Виктору было пятнадцать лет, он был рослым, тренированным парнем. Два года спустя он вспомнит этот момент и поймет, что ему было предупреждение...

Родился Виктор Петрович Гаврилин в городе Бийске Алтайского края 21 декабря 1947 года. При регистрации ему поставили дату 1 января

1948 года. Видимо, родители, заглядывая далеко вперед, хотели, чтобы он на год позже пошел в армию. Но на небесах уже было все предрешиено.

Появился он на свет в пору крепких сибирских морозов. Свою малую родину он не особенно запомнил, покинув ее трех лет от роду.

Семья вела, если можно так сказать, кочевой образ жизни, так как отец его, кадровый военный еще с довоенной поры, часто менял место своей службы. Во время учебы отца в Академии имени Фрунзе жили в Москве, затем объездили весь

европейский Север. Во время школьных каникул их с братом отправляли на родину матери в Тульскую область, на станцию Мордвес, к бабушке с бабушкой. С этим местом связаны у Виктора самые теплые и солнечные воспоминания детства и ранней юности. И как бы ни трудна была жизнь в те далекие времена с ее непритязательным, а порою бедным бытом, все самое лучшее о России он питал именно в этих краях.

Счастливая его юность закончилась в городе Петрозаводске, где в 1963 году он окончил девятый класс специальной математической школы. Он полюбил природу этого края, будучи еще мальчишкой, ходил в дальние походы по тайге. У него было много привязанностей и любимых занятий. Любил лошадей, купал их в речке, хорошо сидел в седле. Серьезно занимался спортивной гимнастикой, лыжами. Имел разряд по этим видам спорта, а впоследствии стал чемпионом Петрозаводска по вольной борьбе среди юношей. Учился музыке, изучал английский язык, при всем при этом умудрялся жадно читать. Но, как он сам говорил, никогда не был книжным червем. Никогда не был домоседом и меланхоликом. Наоборот, все его детство и юность проходили в постоянных потасовках. Школы приходилось менять два раза в год, нужно было утверждаться среди ребят. Как все природы такого толка, он довольно рано понюхал табак и глотнул горькую. Любимым героем его ненасытной юности был джек-лондонский Мартин Иден. Именно в нем сочетались, как считал Виктор, сила и любовь к жизни с жаждой к знаниям и творчеству. Но некая раздвоенность в нем все же присутствовала: Виктору не чужда была сентиментальность. Вот потому-то и поэзия его началась с Есенина. В нем он нашел созвучное ему сочетание чувствительности и ранимости с буйством и драчливостью, и все это русское, и все это укачивает и опьяняет. Но как трудно уйти здесь от подражания. Были потом Блок, Мандельштам, Пастернак, но подражать он уже не умел. Не потому, что быстро нашел свое лицо, как он признавался, нет, просто после нескольких лет версификаторства верх взяла потребность не просто писать, а потребность выразить себя.

Вот что он сам напишет впоследствии об этом периоде: «Писание стихов — дело не нарочное. Когда говорится, “искра Божья”, можно предположить, что речь здесь идет не только о таланте, то есть степени, но и о наваждении. Человек возжён. Об этом материалист сказал бы, что в космосе человеческого организма и сознания так уж разместились светила. Именно такой парад планет обычно приходится на человеческое от-

рочество и юность. Там начинаются стихи. Иногда это продолжается всю жизнь. Был ли я таким исключением, когда в шестнадцатилетнем возрасте из случайного полудетского сочинительства вступил в пору постоянного писания стихов? Все тогда было в помощь этому: и сам нежный возраст, и юношеская влюбленность, и перенасыщенная романтикой природа Карелии, где я жил в то время. И эпоха на дворе стояла весенняя, поэтическая — “оттепель”. Вся держава наполнилась стихами. Как многое нравилось и как на многих хотелось быть похожим. Манила мировая скорбь, как это бывает в юности, и грустно становилось, что не было своей скорби. Ждать же ее оставалось недолго. Ищущий да обрящет. Судьба распорядилась так, чтобы проснувшееся во мне наваждение стиха теперь существовало не благодаря, а вопреки всему. Скорби же отмерилось вдосталь и так надолго, что в ней терялся горизонт отпущенной жизни».

Да, настоящей жизненной трагедии оставалось ждать совсем недолго. Знойным летом, 4 июля 1964 года, в счастливую пору каникул, будучи в гостях у родственников в Москве, во время купания на Оленьих прудах в Сокольниках Виктор получил серьезную травму позвоночника. Пруд оказался мелким, а Виктор прыгнул с разбега, как всегда и везде, первым. Его, шестнадцатилетнего, неподвижного, скорая с сиплой сиреной доставила в мрачное старинное здание Московской первоградской больницы. Родителям сказали, что его травма несовместима с жизнью. Но он выжил. Спасибо его спортивной юности, тренированной загорелой плоти, родителям с их бессонными ночами — судьбе и молодости было угодно, чтобы он выжил.

А выживалось ему трудно в одиночной палате одной из московских травматологий. И когда после полугода предсмертного забытья мир проступил в очнувшемся сознании со всей своей неумолимой правдой, не слезы полились ему навстречу. Все те же стихи. Отказывающаяся подчиниться рука не в силах была держать карандаш, и его приходилось привязывать.

Здесь же, в больнице, он увидел свое первое в жизни опубликованное стихотворение, написанное им, когда он был еще здоровым, и посвященное его любимой Карелии. С этой публикации в «Комсомольской правде» в 1965 году и началась его литературная биография.

В 1972 году семья переезжает в город Солнечногорск Московской области. Отца, Петра Ивановича, переводят преподавателем на знаменитые курсы «Выстрел». Виктор заочно оканчивает

одиннадцатый класс, затем заочно же Институт иностранных языков имени М. Тореза. Были сложности с поступлением в институт. Отец, прошедший всю войну и закончивший ее в Японии, надел все свои награды и поехал сдавать документы. Было поставлено условие, чтобы Виктор лично приезжал на экзамены. Но после первой же поездки преподаватели прониклись таким доверием и уважением к нему, что разрешили учиться заочно и присылать курсовые по почте. После успешного окончания института Виктор некоторое время работал инженером-переводчиком в Министерстве местной промышленности. И, конечно, продолжал писать стихи.

Вспоминая все тяготы и неурядицы тех лет, Виктор всегда помнил только все доброе и светлое, что окружало его. Взять, например, хотя бы случай с исключением его из читателей Московской государственной библиотеки иностранной литературы. Один из друзей, который привозил ему книги, забыл в метро книгу Мозма «Бремя страстей человеческих» канадского издания. Для Виктора это было настоящей трагедией — он читал в подлиннике своих любимых авторов. И тогда он обратился через свою знакомую к Виктору Борисовичу Шкловскому, знаменитому писателю и литературоведу, с просьбой помочь ему. Везло же Гаврилину на хороших людей! Шкловский пишет письмо своему другу, профессору Брайтонского университета Робину Миллеру, и тот присылает ему эту книгу и именно канадского издания. Так Виктор был восстановлен читателем в библиотеке. Я читаю письмо Шкловского, где он ободряет Виктора и просит его обращаться, если будет плохо, и удивляюсь той человеческой доброте и отзывчивости, которую в наше прагматичное время трудно представить.

С особым теплом Виктор всегда вспоминал тех профессиональных поэтов-литераторов, которые

поддержали его на тернистом пути литературной жизни. Это Николай Константинович Старшинов, Марк Андреевич Соболев, Александр Иванович Балин, Станислав Стефанович Лесневский.

Готовя эту публикацию, я еще раз перечитала письма этих замечательных наставников. Привожу несколько строк из письма Александра Балина. Он называл Виктора «грустным оптимистом»: «Брось к чертям эти пятничные “Московские комсомольцы”, будь гордым и красивым, и маленько злым. Добивайся такого качества своих стихов, чтобы с чистой совестью отвечать в них за каждый знак препинания. Пусть пройдут годы — не бойся. Корни твои хилы и неглубоки, ветви твои еще едва выставили на довольно резковатый ветер века свои чуть набухающие почки. Укорениться и шелестеть кроной будешь тогда лишь, когда поймешь запах ветра и вкус питающей тебя земли. Понимаешь, Гаврилин! Твои физические страдания — в твоих костях, в твоей крови, в твоей ежечасной памяти, но все вместе пока — в твоей физиологии. А боль духа (пойми меня правильно) — не от личных страданий плоти. Ежели такая духовная боль и появится, она будет ущербной, эгоистичной. Нельзя нам созерцать собственный пупок собственной боли, даже если она — смертельна. Только так!»

Следуя наставлениям своих учителей, Виктор с раннего периода своего творчества тщательно работал с текстом. Вот строки из стихотворения «В больнице», написанного в начале 70-х годов:

Я чай заварю и на мятых листах
писать буду, права в три яруса,
банальные строчки о сладких губах,
о жизни прекрасной и яростной...

Кстати, Александр Иванович Балин стал нашим крестным отцом. Пришло время рассказать о моем знакомстве с Виктором.

Я жила в небольшом районном центре Саратовской области, после пединститута работала ответственным секретарем в местной газете. Много читала, любила поэзию, сама пробовала писать стихи, но хватило ума вовремя бросить это занятие. Круг общения был немалым — друзья, коллеги, но никто из них не интересовался литературой, тем более поэзией. Однажды по делам зашла в райком комсомола и у первого секретаря увидела на столе солидный том, помню даже (прошло сорок лет), как он назывался: «Год третий — определяющий». Совсем неинтересно назывался, я машинально распахнула его посередине, и первое, что бросилось в глаза, — небольшая заметка

поэта-фронтвика Александра Балина о молодом поэте из Солнечногорска Викторе Гаврилене. И стихотворение — помню и сейчас: «Оближет ветер теплым языком посоленные круто дерева...» Все, для меня этого было достаточно. Не смутило даже то, что было написано о его инвалидности. Написала письмо, всего несколько строк, дескать, вот она я, и, как в сказке, села у окна ждать почтальона.

Через пять дней я получила письмо. Обратный адрес — город Солнечногорск. Виктору в то время приходило много писем, он печатался в «Московском комсомольце», к стихам отношение было совсем другое. Но ему трудно было отвечать физически, руки слушались плохо. А мне ответил сразу. Видно, что-то почувствовал в моих скурых строчках. Ну и все. Единственный мой талант, наверное, — это эпистолярная публицистика. Я его заговорила, два года переписки (как в армии), затем объяснение в любви, мой приезд в Солнечногорск, при личной встрече не разочаровались друг в друге, как иногда бывает, в сентябре 1977 года поженились, прожили 31 год. Я очень благодарна судьбе, что мне пришлось все эти годы быть вместе с этим необыкновенным человеком.

Теперь уже могу вспоминать то, что было при мне. Я стала помогать ему перепечатывать стихи на старенькой машинке, отсылать рукописи в издательство. Были серьезные публикации в центральных газетах и издательствах. Но до первой книги было еще далеко.

Помню ужасно морозный декабрь 1979 года, когда Виктор принял участие в Московском совещании молодых литераторов в Софрино. Его стихи были рекомендованы к изданию, и в 1980 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла его первая книжечка стихов «Листобой», которая получила специальную премию издательства как лучшая книга молодого поэта. Известно немало случаев, когда человек, обреченный на инвалидное кресло, берется за перо, чтобы его жизнь обрела какой-то смысл. Виктор не из этого ряда литераторов. Творческое жюри присудила ему премию не за судьбу, как это часто случается. А за стихи, за поэзию. А какое внимание было к авторам — Виктору прислали поздравительную телеграмму от издательства, а премию вручать приехали Николай Старшинов и директор издательства.

Ну а потом были другие книги. Поэзия... Как ни красив ее окончательный результат, само занятие этим искусством — отчасти каторжный труд, требующий большого душевного напряжения. Рукописи некоторых книг пролеживали в издательствах по несколько лет, да еще и терялись. И все

На даче

же поэзия все искупала. У нас появилось много новых друзей, была веселая, добрая компания, все праздники собирались у нас, Виктор был заводилой и запевалой, знал всю песенную классику, любил петь романсы. У него был приятный голос и хороший слух. Своих стихов наизусть не помнил, да и не любил читать, а вот Блока и Пастернака мог читать подолгу.

Виктор был свободным человеком. Существует свобода, которую никто не может у человека отнять. Он, сидящий в инвалидном кресле, мог исполниться горечи, обиды и ненависти ко всему миру. Но он стал источником поддержки и утешения для окружающих его здоровых людей. Вот уж, действительно, где дух возвысился над плотью. Не помню, в каком году, ему была вручена медаль «Одоловший судьбу», присуждалась медаль по конкурсу «Медицинской газетой». Как отдала я эту медаль вместе с другими документами в архив музея имени Островского (работники музея хотели сделать там выставку, посвященную судьбе Виктора), так там все и осталось, назад ничего не возвратили.

Наш дом стоит на берегу озера Сенеж, жемчужины Подмосковья. Из окна виден пляж, залив, лодки с парусом, речной трамвайчик. Виктор наблюдал, как садится солнце, освещая своими закатными лучами воду.

Над заливом закатное солнце,
низовые туманы с утра...
и душа в тишине встрепенется,
словно завтра прощаться пора.

Словно завтра от края земного
неживая отчалит ладья,
и никак не отыщешь ты слово
на помин своего бытия...

Вот и смеркается... Не жизни жаль,
когда душой уходишь понемногу —
жаль в суете высокую печаль,
что всем теплом бывала ближе к Богу.

Окружающий мир был ограничен для него одним окном. Но из этого окна он видел больше, чем иные люди, которые в поисках новых впечатлений путешествуют по миру.

Излюбленный жанр Виктора Гаврилина — короткое лирико-философское стихотворение. А вот как он сам написал в дневнике 30 марта 2007 года о своих стихах: «Моя поэзия по форме, по-моему, — это неоклассицизм, по духу — мистический экзистенциализм». Когда я его попросила расшифровать, он сказал покороче — мистическое существование в реальности. Но я все равно мало что поняла. Одна из особенностей его лирики — острое чувство утекающего времени, это чувство не может не иметь оттенка горечи, но в данном случае это мужественная мужская горечь.

Чем ближе мы к последнему порогу,
тем безотчетней и сильней
нас все влечет в обратную дорогу —
в края согретых нами дней.

Некоторые читатели находят поэзию Гаврилина на слишком печальной. Да, никому не известная печаль жила в нем с самого детства. Он рассказывал: по улице, где они жили, носили покойников на кладбище. Он пристраивался к процессии, влюбые морозы, и шел до кладбища. А было ему 7–9 лет. Какая неведомая сила влекла его — он не мог объяснить. Вот опять строки из дневника: «Если останусь в литературе, то буду поэтом на грани, на лезвии ножа. Во всей полноте ощущая жизнь, все время чувствую дыхание могилы». Но несмотря на трагическое восприятие мира, Виктор никогда не доводил свою печаль до отчаяния. Печаль у него светлая. Это и не меланхолия, в которой нет духовности.

Не угрюмство, а печаль о светлом,
обо всем, несущемся сквозь нас,
заставляло меня быть поэтом...

«Мудрая печаль или печальная мудрость» — так охарактеризовал его творчество один из читателей. Даже стоя над бездной, Виктор продолжает ставить вопросы в поэзии, мучительные для него, но без которых он не может существовать. Это вопросы мировоззренческого характера: о смысле бытия, о времени, о себе в этом мире, об уходе.

Нашла одну его интересную запись, хочется привести ее целиком.

«Любовь, Родина, Смерть — вот три кита, на которых стояла и стоит русская Муза. В них обозначены поэтапные тематические смещения по мере собственной творческой эволюции и проживания жизни, от запевного томительного начала, побуждаемого любовью, до исповедального предсмертного шепота. К тому же вечно напряженное поле Родины к молчанию не располагает, и земля эта без поэтов невысказима. И запечатленные в стихе лепестки ли сирени, картинки ли семейной трапезы, руины ли безвременья через концы света уносятся в вечность в колыбели русской словесности».

Россия для Гаврилина — самое большое страдание в мире. Одна из его книг так и называется — «Россия через Апокалипсис».

И мир смеркающийся, Божий,
не поднося ко мне креста,
дыша овчиной и рогожей
крестил Россией навсегда.

Его поэзия всегда исповедальна, открыта до бесстрашия, что само по себе требует большого человеческого мужества.

Вот и родину выдюжить не с кем —
не с березкой же в зимней душе...

В одном из интервью на радио на вопрос корреспондента: «Что вы можете сказать о своем таланте и о судьбе» — Виктор ответил: «Талант пусть останется на вашей совести, это не мне судить, а вот о судьбе творческой и о жизни... Моя судьба совпала с судьбой Родины до буквально физического состояния, до физической искорененности. По своей тяжелой судьбе чувствую ее как живой организм, все ее боли и страдания...»

Тяжелая травма давала о себе знать, и в 1985 году Виктор был госпитализирован в 67-ю московскую клинику к знаменитому профессору Г. С. Юмашеву. Профессор и его ученики явились основоположниками хирургии позвоночника и спинного мозга в нашей стране. Попасть к нему было почти невозможно, но отец после отставки заведовал в районе охотхозяйством, места у нас

здесь прекрасные, понятно, что к нему приезжали охотиться люди из Москвы. И вот мы в клинике. Мы с Виктором провели там полгода — мы, потому что я там тоже жила, как и все другие сопровождающие. Спала на стульях около кровати Виктора, нам всем разрешали готовить еду на кухне, за это мы мыли палаты. Виктору долго не делали операцию, нашли что-то вроде порока сердца, четыре месяца ждали хороших анализов. Мы там пообвыклись, справляли дни рождения и другие праздники. Помню, лежал в нашей палате парень из Канады, с ним приехал его отец, фермер. Каждый день подсчитывал убытки от того, что он здесь, а не дома на ферме. Мы-то своим все самое лучшее, с Рижского вокзала, и фрукты, и орехи, и мясо. А он даже в метро не ездил, говорил, что дорого. (Тогда проезд в метро пять копеек стоил.) Иностранцев было много, они тоже ехали к Юмашеву, который, как говорили, делает чудеса. Врачи обращались к Виктору как к переводчику.

Операция длилась шесть часов. Все это время я стояла у операционной, с надеждой заглядывая в глаза врачам, которые время от времени выходили в коридор. Прогнозы были неплохие. Ночью я осторожно пробралась в реанимацию. Подошла к нему, он открыл глаза. И первое, что спросил, было: «Где это мы так набрались вчера — Валерка приезжал?» (Валерка — его друг.) Конечно, был еще под сильным наркозом. Я шепотом рассказала, что ему сделали операцию, обещают улучшение, а он только повторял: «Ну, я герой, ну, я герой!»

Но чуда не произошло. Все-таки со времени травмы прошло более двадцати лет. После операции чуть замедлилось ухудшение, и то было хорошо. В этом же году в издательстве «Современник» вышел небольшой сборник его стихов «Август», которого мы ждали более пяти лет.

В 1989 году Виктор был принят в Союз писателей СССР. А в 1990 году вышла книга его стихов «Птицы под дождем». Этому сборнику суждено было отметиться в истории интересным образом. Книга попала в руки тогда еще студенту Гнесинки Юрию Абдокову. А в настоящее время Юрий Борисович Абдоков — известный композитор, педагог, профессор Московской консерватории, кандидат искусствоведения. В том, 1990 году он принес своему учителю Борису Александровичу Чайковскому партитуру своей первой симфонии. В третьей части одноголосный хор дискантов поет стихи Виктора Гаврилина «Помнишь ли ты обо мне...». Да и вся симфония была названа строчкой из этого стихотворения — «В час незаметной печали». Борис Александрович долго и очень внимательно всматривался в партитуру и через какое-то время наизусть прочитал поразившие его стихи. Юрий Абдоков запомнил его тихую реплику: «Живут еще поэты в России».

И вот совсем недавно Юрий Борисович написал для струнного оркестра пьесу «Птицы под дождем» и посвятил ее памяти Виктора Гаврилина. Вот что написано в программе концерта, где впервые исполнялась эта пьеса: «Духовное благородство — редкостный дар. Им в полной мере обладал поэт Виктор Гаврилин, жизнь которого очень похожа на его стихи. В них гармонично сопряжены рыцарское достоинство и какое-то неизбывное, нерастратенное детское целомудрие. Стиль Гаврилина я уподобил бы крепкому, обжигающему рукопожатию порядочного человека. Много ли порядочных людей в современном искусстве? Пусть каждый по-своему ответит на этот вопрос. Главное метафизическое свойство поэзии Гаврилина — это боль, преображенная в свет. Во все времена художников, которые могли своим взглядом, словом, звуком сделать окружающий

Любимый пудель Арчибальд

мир прозрачным, чистым, было немного. Автор книги “Птицы под дождем” был рожден для этого. Гаврилин, я уверен, с любовью и жалостью смотрит на нас из той вечности, о которой много писал и к которой всегда был ближе, чем все мы...»

Я счастлива, что познакомилась (пока по телефону) с этим необыкновенным человеком, совсем не случайным в нашей с Виктором жизни, с замечательным музыкантом, который смог извлечь из стихотворений Гаврилина музыку его души. Я выслала Юрию Борисовичу «Избранное». Он читает стихи Гаврилина своим студентам и видит, «каким осязательным может быть воздействие красоты, сотканной из боли, света и любви...».

Мы с Виктором хорошо понимали друг друга. Меня потряс один случай, о котором я даже записала в дневнике. Мы с ним смотрели по телевизору фильм о Паганини. Его концерт в Париже в 1831 году. Мне пришла мысль — а ведь Пушкин жил в это время. И как-то я бессознательно сказала об этом вслух. Виктор сказал, что тоже только что об этом подумал. Удивительное дело — одновременно к нам пришла мысль, которая совершенно не связана с данной ситуацией. И так бывало часто.

Виктор любил слушать классику. Я ставила ему диск, включала и уходила на работу. Особенно он любил Бетховена, его пьесу «В бурю». Он часто говорил: как хорошо, что на свете есть музыка.

Значительное место в его творчестве занимает любовная лирика. Мне не совсем удобно говорить об этом самой, поэтому приведу небольшой отрывок из воспоминаний Эльвиры Гоник, большой почитательницы его творчества: «Трудно писать о любовной лирике Виктора Гаврилина, ведь это —

“святая святых”. Чистым, светлым облаком плыла его любовь над землей. Стихотворения этого цикла исходят из самого сердца, это — неувядающий букет нежных, светлых и целомудренных слов своей любимой и Музе.

И не увянешь ты вовек, моя красавица.
Не я ль насобирал тебе букет
из вечных слов любви!

Желание уберечь, защитить любимую — в каждом слове следующего стихотворения:

Мне пожелать бы солнца, всем огнем
взбурлившего весенние потоки,
чтоб день ключом вскипал, но дело в том, —
я так боюсь, что ты промочишь ноги.

А эти строки звучат как завещание:

Ты прости мою грешную слабость —
коль не минуть разлуки земной,
я уйду, только ты бы осталась
век дослушать, оставленный мной...

Хрупкая и нежная любовь хранила Виктора Гаврилина на протяжении всей жизни, даруя ему трепетность чувства. Она была его защитой в тяжелой жизни, она помогала ему преодолевать недуг, была как негасимый свет».

Виктор Гаврилин издал в московских издательствах одиннадцать поэтических книг. Их могло бы и не быть, если бы не помощь и мощная поддержка его друзей. «Непревзойденный рыцарь духа с тонкой, как камертон, душой» — так отзывался о

Авторский вечер Виктора Гаврилина, 1997 год

Викторе его верный и самый близкий друг Владимир Проценко. При поддержке Владимира Григорьевича были изданы четыре книги стихов. Он помогал нам во всех житейских трудностях, решал медицинские проблемы, которых было множество. Они с Гаврилиным исповедовали одну и ту же жизненную философию. Владимир Григорьевич и сам не лишен поэтического дара, поэтому Виктору было с кем поговорить на любимые темы. Памяти своего друга Владимир Григорьевич посвятил стихотворение, в котором есть такие строки:

Благословенны были те пути,
которыми навстречу мы шагали,
«чтобы в столетье друга обрести
на выдох песни, на длину печали».

Хочется сказать хорошие слова и еще об одном человеке, тоже нашем друге, — Сергее Алексеевиче Федотове, известном в Солнечногорске меценате. Это благодаря ему у нас появился компьютер, и Виктор смог выйти со своими стихами к большому читателю. Это благодаря Сергею Алексеевичу я смогла (уже после ухода Виктора) выпустить большой том избранных его стихов, о котором он мечтал при жизни. С его же помощью я смогла записать свой диск с песнями и романсами на стихи Виктора. Низкий поклон таким людям, они и сейчас остались верны его памяти.

Виктор ушел из жизни 26 марта 2009 года. Его сердце не выдержало. К счастью, Господь не допустил полного опустошения его души, и он ушел со щитом, непобежденным в схватке с жестокой судьбой, выпавшей на его долю. Уход его стал большим потрясением для всех, кто любил его творчество. Виктор оставил нам в своих стихах тревожный, трагический, но светлый мир своей лирики.

Виктор Гаврилин был большим другом Солнечногорской районной библиотеки. Много лет ее сотрудники проводили встречи с поэтом, читательские конференции, презентации его новых книг. В настоящее время в библиотеке третий год проводятся Гаврилинские чтения. А недавно в районе прошел поэтической конкурс на присуждение премии памяти Виктора Гаврилина. У его творчества много поклонников не только в нашей стране, но и за рубежом. Его стихи можно встретить на разных ресурсах в Сети, я продолжаю вести его страницы на поэтических сайтах. Вот один из последних откликов на его творчество. Пишет Борис из Донбасса: «Никогда не верил в то, что человек способен получать информацию прямо из космоса, без книг и общения с другими мудрецами. Но Гаврилин для меня необъясним. Заочное образование, чтение, если позволяло здоровье, некоторых философов, лишение возможности работать в академической среде, постоянная борьба за жизнь и выживание. При этом во многих текстах Гаврилина присутствует необычайно глубокое понимание самой природы столь сложных вещей, как власть, религия, вера, государство и даже предсказания их развития в будущем. Все это у Гаврилина происходит не в отрыве или противоречии общих направлений мысли известных авторов, но и не повторяет чужие идеи, а наоборот — развивает и дополняет их. Поэтическая форма у Гаврилина — лишь доступный носитель оригинальных, заслуживающих пристального внимания, мыслей».

Ну вот, кажется, я написала все, что хотела. Это было трудной задачей — рассказать о близком человеке так, как он этого заслуживает. Не знаю, получилось ли. А в заключение привожу отрывок из стихотворения, которое я не могу читать спокойно:

Не выбирать мне, что там будет,
и не стоять у трех дорог,
когда я сам себе распутье
и мне на сердце камень лег.

Я стану нищим и свободным,
до сердца плоть свою сносив,
и лягу камнем путеводным
для тех, кто безоглядно жив.

Последние две строки выбиты на гранитном камне как духовное завещание поэта Виктора Гаврилина всем тем, кому он в стихах душу свою оставил.

Нина Гаврилина